

Сун Нуань, твердо вознамерившийся заставить Су Чанлэ отвезти его завтра на работу, даже не думал возвращаться на ночь в общежитие ВВР. Своим товарищам по группе он коротко бросил, что должен выехать на съемочную площадку прямо сегодня, чтобы подготовиться к завтрашней смене. Собрав вещи, он подхватил чемодан и налегке спустился во двор.

Конечно, пока Сун Нуань укладывал вещи, Не Сыцзэ не упустил возможности вставить свои пять копеек.

Младший в группе только что вышел из душа. Завернувшись в банный халат, он неуклюже вытирал голову полотенцем, с которого все еще летели брызги. С этим взъерошенным гнездом на голове парень выглядел до того невинным и домашним, словно капризный ребенок, безмолвно выпрашивающий, чтобы за него все доделали.

— И что это за съемочная группа такая сумасшедшая, раз дергает актеров посреди ночи? — проворчал Сыцзэ. — Тебе-то плевать на сон, но людям ведь тоже отдыхать надо.

Повозившись еще немного, Не Сыцзэ почувствовал, как холодная капля скользнула за шиворот. Раздраженно фыркнув, он сдернул полотенце и скомкал его в кулаке.

— Признайся честно, это наш великий киноактер Хань тебя призвал? Хотя, надо признать, выглядит он недурно. Кажется, даже младше тебя на пару месяцев. По крайней мере, это куда приятнее глазу, чем те старые пердуны, которые обычно вызывают к себе смазливых мальчиков.

Идиллия не продлилась и трех секунд — мелкий пакостник вернулся к своему привычному амплу ядовитого критиканства. Сун Нуань мысленно дал себе подзатыльник за то, что мгновение назад счел его милым, и со вздохом поднял глаза.

Вот уж действительно загадка: парень в группе отвечает за чистый высокий вокал, но кости перемывает почище любого рэпера.

И вообще, с каких это пор они с Хань Цзицзином состоят в «таких» отношениях? Если эти бредни долетят до ушей Су Чанлэ, карьере Сун Нуаня наступит быстрый и беспросветный конец.

По спине побежали мурашки. Окончательно задвинув глупую мысль о «милем младшеньком», Сун Нуань защелкнул замки чемодана, поднялся и потянулся, разминая затекшую поясницу. Когда он снова взглянул на Не Сыцзэ, над прической несносного паршивца уже трудился спаситель.

Лидер группы, самый старший из них, Тун Янь полностью оправдывал свое имя. Несмотря на то что ему уже перевалило за двадцать пять, на его щеках все еще держался детский румянец, а мягкий, певучий голос звучал удивительно чисто, по-юношески.

— В нашем общежитии из двух фенов один приказал долго жить, а второй до сих пор узурпировал Брат Лан, — негромко объяснил он Сыцзэ, бережно промакивая его волосы полотенцем и даже не взглянув в сторону Сун Нуаня.

Какая трогательная семейная идиллия.

Впрочем, Сун Нуань не чувствовал ни обиды, ни злости. Он прекрасно знал свой характер и никогда не питал иллюзий о крепкой мужской дружбе внутри коллектива. К тому же с Тун Янем их связывала не просто взаимная прохлада — здесь дело пахло серьезным конфликтом интересов.

В бытность их стажерами именно на Тун Яня все делали ставку как на главного танцора группы. Однако при оглашении финального состава позиция внезапно досталась Сун Нуаню — зеленому новичку, который без году неделю занимался хореографией. Было бы верхом наивности полагать, что Тун Янь проглотит это без затаенной обиды.

Сун Нуань понимал молчаливое пренебрежение капитана и никогда не пытался оправдываться.

В конце концов, товарищи по группе — это лишь красивое слово для фанатов. На деле же они обычные коллеги, вынужденные делить одну лодку, полную скрытого соперничества. Достаточно сохранять видимость дружелюбия на публике и не устраивать сцен за кулисами.

С этими мыслями Сун Нуань покати́л чемодан к выходу. Разуваюсь, он на секунду замешкался: пожалуй, стоило попрощаться с Вань Юйанем.

Вань Юйань был единственным его ровесником в BWP, парнем со схожим колючим характером и, пожалуй, единственным, с кем Сун Нуань мог нормально поговорить по душам.

— Нашего «господина Ваня» нет, — подал голос Не Сыцзэ, поразительно точно угадав причину заминки. С явным ехидством он упомянул фанатское прозвище рэпера: — Наверняка опять застрял в студии над очередным треком. Раньше трех ночи этот маньяк не явится. Так что катись в свой театр и не жди его.

Сун Нуань кивнул, выкатил чемодан на лестничную площадку и, привалившись к косяку, двусмысленно усмехнулся:

— Надо же, как чутко ты следишь за каждым моим шагом. Ну признайся, лапуля, как давно ты по мне сохнешь?

Сун Нуань не горел желанием копаться в душе этого вечно задирающего нос мальчишки, но за годы совместной работы изучил его повадки до мелочей. Судя по тому, как на новогодних премиях и фестивалях Не Сыцзэ пускал слюни на участниц женских айдол-групп, тот был

сто процентным, непошибаемым натуралом.

Реакция последовала незамедлительно. Очаровательный домашний мальчик на диване мгновенно превратился в разъяренную фурию.

— Пошел на хер, урод бесстыжий! — взвизгнул Сыцзэ.

Сун Нуань вовремя захлопнул дверь, глухо приняв удар полетевшей в него декоративной подушки. Довольно ухмыляясь, он подхватил чемодан и, под нос себе насвистывая незатейливый мотивчик, зашагал к лифту.

— Ладно, иди.

Дэн Цися затормозил у высотки, где Су Чанлэ еще на заре своей карьеры прикупил квартиру. Когда менеджер заглушил мотор, перед глазами у него уже все плыло от усталости.

— Чемодан оставь в багажнике, все равно мне завтра утром за тобой заезжать.

Дэн Цися только вчера приземлился в аэропорту, сразу с трапа побежал на ковер к генеральному директору, и разница во времени до сих пор давала о себе знать. А уже завтра предстояло везти подопечного на съемки. Менеджер чувствовал себя выжатым как лимон и мечтал лишь об одном — доползти до кровати.

Сун Нуань кивнул и выбрался из салона. Пройдя несколько шагов, он остановился, вернулся и постучал в стекло со стороны водителя.

— Слушай, тебе ведь самому в кадр вставать не надо. Купишь по дороге зубную щетку, да и сними номер в каком-нибудь отеле поблизости, а? Чего бензин жечь.

Если подумать, не подвернись им этот проект «Ограниченные отношения», Дэн Цися не носился бы сейчас как ошпаренный. Сун Нуань почувствовал легкий укол совести.

Однако Лао Дэн лишь скривился, явно не оценив заботы.

— Избавь меня от этой дешевой драмы, ладно? Тебе совершенно не идет роль заботливой мамочки, аж зубы сводит.

Он со стоном помассировал затекшую шею и вяло махнул рукой, прогоняя артиста, точно назойливую муху:

— Я еще вполне бодр, до дома доеду без приключений.

— Ну и катись, неблагодарный, — беззлобно огрызнулся Сун Нуань и легонько пнул колесо машины. — Ладно, я пошел.

— Давай, проваливай.

Июль выдался удушающим. Даже к вечеру зной не спал, и асфальт продолжал дышать жаром.

Су Чанлэ, по слухам, не ладил со своей немногочисленной родней, поэтому в семейное поместье навещался разве что по большим праздникам. Все остальное время он предпочитал обретаться в этой холостяцкой берлоге, где не нужно было держать марку перед старшими и можно было развлекаться в свое удовольствие.

Несмотря на близость к бурлящему центру города, район утопал в зелени. Деревьев здесь было так много, что среди листвы без умолку стрекочали цикады и щебетали птицы, создавая иллюзию загородного покоя.

Сун Нуань невольно усмехнулся. Кто бы мог подумать, что у человека с настолько распутной репутацией окажется такое поэтичное прибежище.

Квартира генерального директора располагалась на тридцать третьем этаже. Высота приличная, но скоростной лифт доставил Сун Нуаня наверх в считанные секунды. Он вставил в замочную скважину дубликат ключа, который Чанлэ предусмотрительно ему выдал, провернул его и, едва переступив порог, услышал протяжный, полный отчаяния стон.

Впрочем, этот звук больше походил на досаду человека, обнаружившего нечто крайне неприятное, нежели на крик о помощи.

Поэтому Сун Нуань лишь снисходительно приподнял бровь и, не торопясь, принялся разуваться. Движения его были привычными и плавными.

Поскольку Су Чанлэ жил здесь один, изредка приводя любовников, квартира была небольшой — просторная студия с единственной спальней.

Шорох в прихожей выдал появление гостя. Из спальни тут же выскочил взъерошенный хозяин квартиры. В руках он сжимал распечатанные листы формата А4.

— У тебя с Хань Цзицином запланирован поцелуй! — с порога взъерился Су Чанлэ.

Он заметался по гостиной, кружа вокруг журнального столика и нервно потрясая бумагами:

— Я так и знал, что этот гаденыш Хань что-то задумал! С чего бы ему вдруг проявлять такую щедрость и соглашаться на проект без лишних уговоров? Вот, значит, в чем дело!

Сун Нуань молча забрал у него листы и пробежал глазами текст. Причина истерики босса прояснилась мгновенно.

Это был фрагмент сценария «Ограниченных отношений», причем копия, принадлежащая самому Хань Цзицзину — на полях красовались его личные пометки. Особое внимание привлекал абзац, где детально описывалось, насколько «глубоким, чувственным и затяжным» должен быть этот поцелуй.

К счастью, жаловаться на память Сун Нуаню не приходилось. Пусть времени на подготовку почти не оставалось, он уже успел мысленно зафиксировать ключевые реплики.

Эта сцена разворачивалась сразу после того, как герои признавались друг другу в чувствах. Никакой пошлости или легкомыслия — только чистая, почти сакральная нежность первого искреннего прикосновения. Поскольку эмоциональный тон задавал персонаж Хань Цзицзина, в его экземпляре детали расписали особенно тщательно.

— Он профессионал высочайшего класса, трижды признанный киноактером, — спокойно заметил Сун Нуань, возвращая листы. — Уж поверь, он умеет разделять работу и личную жизнь. К чему эта паника?

Сун Нуань окинул босса скептическим взглядом.

«И это он еще не видел сцены в постели, — подумал он про себя. — Там ведь даже без французских поцелуев искры полетят такие, что мало не покажется».

«Ограниченные отношения» и без того балансировали на грани цензуры из-за своей тематики, но обилие откровенных эпизодов превращало проект в настоящую ходьбу по лезвию ножа. Когда Сун Нуань впервые читал сценарий, у него самого глаза на лоб полезли от смелости авторов.

С другой стороны, если история рассказывает о сложных отношениях знаменитости и его теневого покровителя, глупо ожидать платонического романа. Без подлинной страсти сюжет потерял бы всякий смысл.

Су Чанлэ, казалось, лишился дара речи. Сделав еще пару кругов по ковру, он наконец выдавил:

— К Хань Цзицзину у меня вопросов нет. Но ты! Ты ведь впервые выходишь на съемочную площадку. Хэ Жань — старый дотошный черт, он из тебя душу вытрясет, требуя абсолютной достоверности. Что, если ты заиграешься и не сможешь отделить экранные чувства от реальности?

Сун Нуань промолчал. Достав из папки сигарету, он неторопливо щелкнул зажигалкой, затянулся и сквозь облако дыма сощурился на мужчину:

— Генеральный директор, а вы, я гляжу, глубокий знаток актерской психологии.

— Ну что ты, пустяки. Не такой уж и глубокий, — рефлексивно отмахнулся Су Чанлэ, чей пафосный монолог был безжалостно разбит этой спокойной иронией.

Лишь секунду спустя до него дошло, что его откровенно дразнят. Поймав на себе насмешливый взгляд Сун Нуаня, который с трудом сдерживал улыбку, директор страдальчески потер переносицу:

— Ладно, шутки в сторону. Какими судьбами ты здесь посреди ночи?

Их отношения с самого начала выбивались из привычных рамок. В этой связи Сун Нуань занимал формально ведомую позицию, однако вел себя на удивление независимо, без тени подострастия. Он почти никогда не отказывал Су Чанлэ, но и инициативы не проявлял.

Сценарий «Ограниченных отношений» директор состряпал для него исключительно из чувства вины — спать со смазливym айдолом «за так» совесть не позволяла, вот он и выбил у Хань Цзицзина роль.

Расскажи кому — не поверят, но порой Су Чанлэ казалось, что в их постельных играх именно его используют как дорогую игрушку.

— Зачем пришел? — Сун Нуань медленно выдохнул тонкую струю дыма прямо в лицо мужчине. — Соскучился. Завтра уеду на съемки, вернусь нескоро. Вот и решил, что перед долгой разлукой нужно как следует «приласкать» тебя, дорогой директор.

Су Чанлэ на секунду опешил, а затем негромко рассмеялся.

«И как это понимать? — пронеслось у него в голове. — Нападение малолетнего наглеца без объявления войны?»

Сун Нуань затушил сигарету о пепельницу на столе. Свет люстры скользнул по его светлым, янтарным глазам, придав им мягкий, чуть лихорадочный оттенок. Словно только что проснувшийся ребенок, он лениво раскинул руки в стороны и негромко позвал:

— Ну же, господин генеральный менеджер. И долго вы будете стоять столбом? Идите ко мне.